

Бог и секс

Bejart ballet Lausanne в 'Кремле

**Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»**

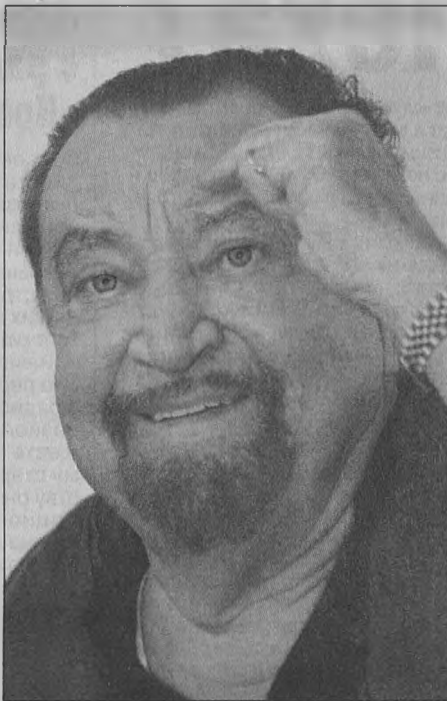
Бежар в России — больше чем Бежар в Европе или Америке. Для поколений, вкусивших всяческих притеснений, этот человек, с легкостью менявший вероисповедания, страны проживания и танцевальные языки, — символ свободы личной и профессиональной. Сегодня он католик, завтра мусульманин; сегодня имеет трупку в Брюсселе, завтра перевозит ее в Лозанну; сегодня играет спектакль в древнем стиле кабуки, завтра ставит актуальнейший модерн.

При всей кажущейся стихийности его желания подчинены строжайшей дисциплине мысли и тела. В основе телесного порядка лежит непреходящая любовь к классическому танцу его организующему, рациональному началу. А философское кредо Бежара в начале 70-х сформулировала Екатерина Фурцева. Запретив приглашать хореографа в Большой театр (Григорович был готов на этот шаг), первая дама советской культуры произнесла воспитательный афоризм: «У Бежара только Бог да секс, а ни того, ни другого нам не надо».

Нынешняя программа в Кремлевском дворце подтвердила приверженность маэстро избранным темам. Но божественных откровений в этот раз было меньше, чем в прошлый приезд с «Метаморфозами» и «Домом священника». Свой последний балет Lumier («Свет») хореограф представил в 40-минутном варианте. Если судить по недавно появившемуся видеофильму, оригинальная постановка длилась на 35 минут дольше и включала инструментальную музыку И.С.Баха, стихи Антуана де Сент-Экзюпери, цитаты из Фридриха Ницше и неоклассический кордебалет в снежно-белых трико. От духовно-сакрального начала в новой версии остались пробежки юного патера в развевающейся сутане, грандиозных размеров крылья, под чьей тяжестью гибались двое танцовщиков, и декорационное оформление задника: подсвеченное голубоватое пространство, зажатое между непролицаемо черных полотнищ. Идею света, вырывающегося из плена тьмы, подсказала Бежару его давняя подруга, певица Барбара. Ее песни и песни Жака Бреля составляют «житейскую» часть Lumier. В Москве Бежар показал только ее, это и есть озаглавленный в программе балет «Брель и Барбара».

Путешествие по Парижу маэстро

ро совершил с галльским шармом и невинными провокациями, вроде героя, развезжающего по сцене на велосипеде. Доминирующие цвета — черный, белый и красный; главенствующий стиль — уютная буржуазность; преобладающее настроение — легкая грусть («ола-ла,

Бежар готов начать с чистого листа.

жизнь проходит»); предпочтительная пластика — неприязнительные дансинги предместий и пантомима («ты грустишь, крошка, дай я тебе приласкаю»). Ведущие персонажи — Жак Брель, нервный, тронь — зазвенит, премьер Жиль Роман, и Барбара — юная испанка Элизабет Росс. Рыжеволосая, скуластая, топ-модельного роста, с мускулистым телом и бесконечными руками-ногами, жгучая смесь вульгарности и утонченности. Такой же она вышла в «Болеро» (в два вечера Бежар показал оба варианта балета — мужской и женский) и сыграла негласное соревнование у 22-летней бежаровской надежды, аргентинца Октавио Стэнли, слишком отвлеченно исполнявшего «крабов», «рыб», «венгерок» и «кошек» (так танцовщики называют эпизоды балета).

Без обжигающего «Болеро», где африканские корни Бежара дают себя знать, как ни в одном другом спектакле, не обходятся парадные выезды трупы. Визит в Россию, безусловно, из таких. Русские корни Бежара не связаны с кровным родством, но не менее сильные. Это русский балет и музыка Стравинского. В Кремле танцовщики Bejart ballet Lausanne показали его

«Концерт для скрипки» и «Жар-птицу».

«Концерт» — очень гармоничная вещь. Здесь Бежар демонстрирует достоинство, так восхищающее его в Стравинском: умение соединить несоединимое. В «Жар-птице», сочиненной на музыку одноименной сюиты, к хунвейбинам в серых френчах и мешковатых штанах является танцовщик в алом трико — птица Феникс. Вот такая причуда гения, решившего подобным образом воплотить свое представление о Стравинском, композиторе-революционере. Сам Бежар считает «Жар-птицу» не хорошим балетом, а хорошей ролью. Правда, глядя на японца Йоси Кобаяси, этого не скажешь. Юркий и подвижный, он хотя и катается по сцене шариком, но никак не способен превратиться в задуманный постановщиком огненный вихрь.

В 1970 году Бежар делал «Жар-птицу» для солиста Grand Opera Микаэля Денара, который после того очень быстро получил звание этуаль. Я помню встречу с ним на последнем Московском балетном конкурсе. Утомленный жарой и конкурсными бдениями, Денар был немногословен. С вжливим равнодушием говорил о Grand Opera, Пети и Нурееве, но при слове «Бежар» в миг преобразился: глаза засверкали, в голове зазвенел металл, восторженные слова полились потоком. Если спустя тридцать с лишним лет упоминание о давнем спектакле вызвало такую метаморфозу, можно представить, каким был Денар-Феникс в свои молодые годы. И пожалеть, что в сегодняшней труппе великого мастера мало, слишком мало танцовщиков, обладающих, помимо обязательной техники, фирменной, необходимой для бежаровских исповедей энергетикой.

Не потому ли 75-летний маэстро все чаще выходит на сцену сам? Последний год постоянно дает программу «Чистый лист в руки Бежару». И этот лист расписывает сюрпризами. Показывает собственную постановочную «кухню», ведет репетицию и вспоминает дни былые. В Кремле он тоже преподнес сюрприз. Перед началом спектакля вывел танцовщиков в тренировочных костюмах, задал им привычный разогрев и неповторимо вкусным баритоном произнес посвящение Стравинскому. Последнее оказалось весьма кстати: о человеке, который для Бежара воплощает могущество русской души, добрая половина публики услышала впервые.